

ДАРИОС БАРОНАС
Институт истории Литвы, Вильнюс

Древнейшие следы пребывания русских в Вильнюсе

Цель настоящей работы — обратившись к источникам XIV в., выявить следы первых русских поселенцев в Вильнюсе и оценить значение этого факта для этноконфессиональной ситуации в Вильнюсе накануне введения в Литве католичества. Определив конфессиональную принадлежность различных групп населения в Вильнюсе, можно задаться вопросом, насколько феномен распространения православия был свойственен и другим литовским городам.

Несмотря на то, что на территории современного Вильнюса люди жили с незапамятных времен, традиционно считается, что город был основан в 1323 г.; основателем Вильнюса как столицы Литвы считается великий князь Гедиминас (1316–1341), и нет особых причин сомневаться в этом.

Впервые Вильнюс упоминается в корреспонденции Гедиминаса 1322–1324 гг., отражающей намерение великого князя принять католическую веру. В этих документах содержатся и наиболее ранние сведения о русских в Вильнюсе. Посланцы легатов Папы Римского, доносившие о провале крещения Гедиминаса, обнаружили язычников жмудинов и православных русских в рядах оппозиции, которая помешала воплощению желания князя [Послания Гедимина, 139–140]. Насколько нам известно, историки до сих пор не объяснили, кем были те русские, которые столь смело действовали на глазах у великого князя, придерживавшегося довольно высокого мнения о силе своей власти. Однако в данном случае нам важно отметить сам факт присутствия русских при Вильнюсском дворе.

Пребывание русских при великокняжеском дворе, безусловно, является признаком влияния православия на окружение Великого князя Литовского. Не случайно в Западной Европе считалось, что литовские князья были знакомы с православием [Rowell 1994, 184–185]. Следует отметить, что в Литовской Метрике находится упоминание

о “бабке” великого князя Витаутаса (1392–1430)¹, которую, по нашему мнению, уместнее всего следует отождествить с православной сестрой Гедиминаса, имевшей свой православный монастырь в Вильнюсе [Nikžentaitis 1989, 56].

Сведения о православной сестре Гедиминаса и ее монастыре показывают связи великокняжеского двора и города. Контакты между этими двумя мирами отражены и в *Житии трех Виленских мучеников*. Около 1347 г. трое придворных Альгирдаса приняли православие от священника Нестора и вскоре были повешены за отказ есть мясо на пиру у великого князя во время поста [Вагонас 2000, 97–115; разные точки зрения о причинах мученичества оговорены на с. 54–79]. Результаты деятельности Нестора свидетельствуют о том, что он мог беспрепятственно исполнять службу по православному обряду и при дворе, и в городе. *Житие* не сообщает, как Нестор оказался в Вильнюсе, но вслед за книжниками XVII в. [Kreuzas 1617(II), 59; Dubowicz 1644(II), 177; Wiliuk-Koiałowicz 1650, 8–9] можно предположить, что Нестор прибыл вместе с придворными жены Альгирдаса Марии². Если дата кончины св. Евстафия (1347 г.) является верной, то вполне вероятно, что Нестор оставался в Вильнюсе и после смерти Марии в 1346 г.

Этот пример показывает, что часть людей, оказавшихся в столице Литвы вследствие династических или политических событий, вероятно, навсегда осела в Вильнюсе.

Во времена Альгирдаса (1345–1377) такие поселенцы, как священник Нестор, обнаруживали в Вильнюсе уже существовавшую православную общину. На ее наличие указывает тот факт, что Виленские мученики были погребены в уже действовавшей Свято-Никольской церкви [ПСРЛ 6(1), ст. 428]. Примечательно, что во время археологических раскопок на этом месте было найдено древнее кладбище с захоронениями небалтского происхождения [см.: Gendrenas; Zabiela 1998, 358]. Отметим также, что историки XIX–начала XX вв., следовавшие исторической традиции, называли и другие православные храмы, которые были в Вильнюсе в XIV в.

Во всяком случае, уже в первые годы правления Альгирдаса вильнюсская православная община была достаточно большой. Можно говорить и о том, что православные жители Вильнюса пользовались расположением православных членов семьи Альгирдаса. В древнейшей редакции *Жития трех Виленских мучеников* упоминается о том, что тело св. Евстафия на место вечного покоя привезли, совершив трехдневный путь, православные сыновья Альгирдаса [Вагонас 2000,

260; Слуцкая минея, л. 227 об.]. Безусловно, такое сочувствие единоверцу не могло приобрести политического звучания, поскольку, по указанию *Жития*, подобные действия совершались втайне.

Не подлежит сомнению, что в Вильнюсе во времена Гедиминаса и Альгирдаса селились русские купцы и представители других сословий. В связи с этим интересна информация, содержащаяся в *Житии Виленских мучеников* и письме митрополита Киприана Сергию Радонежскому (23.06.1378). Из этих документов следует, что в 1374 г. по просьбе тогда еще будущего митрополита Киприана была освобождена, по крайней мере, часть русских пленников, захваченных во время походов Альгирдаса на Москву (1368–1372). После освобождения бывшие пленники, заручившись поддержкой Киприана, обратились к Альгирдасу за разрешением воздвигнуть церковь вблизи бывшей вилсельницы, на которой были казнены мученики. Альгирдас не только дал согласие, но и повелел построить церковь на самом месте мученичества, так как оно было более подходящим для церкви: высокое и светлое [РИБ 6, ст. 182; Слуцкая минея, л. 226 об.–227]. Поставив церковь, христиане остались жить при ней. Само собой разумеется, что в плен попадали представители разных сословий, поэтому среди таких поселенцев могли оказаться и купцы, и ремесленники и пр.

Таким образом, можно говорить по меньшей мере о трех способах появления русских в Вильнюсе. Во-первых, центром притяжения для них был великокняжеский двор. Во-вторых, привлекали возможности торговли, открывавшиеся перед русскими купцами и ремесленниками. В-третьих, возникали непредвиденные факторы, такие, как попадание в плен и т.п.

Можно отметить и четвертый способ, но он не имеет непосредственной или исключительной связи с Вильнюсом. Во второй половине XIV в. в ходе военных действий Тевтонского Ордена на территории Литвы в немецкий плен попадали и язычники литовцы, и православные русские [Scriptores Rerum Prussicarum 1863(2), 543, 571]. Вследствие постоянной войны уменьшалось число жителей Литвы, литовские князья старались возместить эти убытки, поселяя русских на исконно литовских землях. Как это происходило в действительности, пока можно только догадываться.

Русские земли, попавшие под власть Литвы или находившиеся в сфере ее влияния, обязаны были посылать свои военные отряды на войну с немецкими рыцарями. К тому же само литовское войско не было однородным ни в конфессиональном, ни в этническом отношении. Можно предположить, что по крайней мере часть русских воинов селилась в Литве, а может быть, и в Вильнюсе.

При Альгирдасе отдельные части Вильнюса выделялись довольно четко. В 1377 г., во время осады Вильнюса, Альгирдас заботился о том, чтобы крестonosцы не подвергли опустошению хотя бы ту часть города, которая находилась под его непосредственной властью [там же, 587].

“Русский город” в Вильнюсе, упомянутый в 1383 г. хронистом Вигандом из Марбурга, своими корнями, безусловно, уходил во времена Альгирдаса. Он был довольно плотно застроен, поскольку крестonosцам для его захвата пришлось предпринять специально подготовленный штурм [там же, 623]. Границы “русского города” очертить довольно трудно, но площадь его была впечатляющей. В Софийской I летописи отмечается, что великий князь Йогайла крестил в “немецкую веру” половину своего города Вильнюса [ПСРЛ 6(1), ст. 489]; другую половину составляли христиане, среди которых преобладали православные. Таким образом, размеры русского поселения в Вильнюсе были весьма значительными.

Накануне введения католицизма в Литве в 1387 г. православный Вильнюс четко выделялся на фоне других городов. К тому времени православная вера уже заняла определенные позиции и среди языческого населения. Йогайла настаивал на обращении всех литовцев в католицизм, но в особой заботе нуждались те, кто следовал различным “сектам”. Порой они проявляли такую стойкость, которую не в силах была сломить даже смертная казнь. В то время как литовские язычники беззаботно оставляли своих древних богов, двое православных “больших литвинов” заплатили своей жизнью за отказ принять католическую веру [там же, ст. 489–490].

Таким образом, одна из первоочередных задач состояла в том, чтобы особо подчеркнуть новый, католический старт как для всей Литвы в общем, так и для Вильнюса в частности. Об этом свидетельствует ходатайство польской королевской четы перед Папой Римским Урбаном VI о присвоении Вильнюсу статуса города: отныне место Вильнюс (*locus Wilna*) должно было называться городом Вильнюсом (*civitas Vlnensis*) [Kodeks dyplomatyczny 1948, 21, 26]³.

Городская среда способствовала упадку литовского язычества, и православная вера сыграла немаловажную роль в этом процессе. К такому утверждению нас склоняют сведения, которыми мы в настоящее время располагаем о Вильнюсе. Но подобные явления должны были иметь место и в других городах Литвы. Новые исследования литовских археологов могут пролить свет на эти вопросы. К примеру, в последние годы в одном из древнейших городов Литвы, Кярнаве,

был обнаружен могильник XIII–XIV вв. [Velius 1997; 1998], в котором, по всей видимости, хоронили людей славянского происхождения [Zabiela 1998, 356–358].

Таким образом, Вильнюс не был уникальным в отношении славянского влияния в Литве, но русская иммиграция, воздействие православной веры и тому подобные факты проявились в нем ярче всего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: Литовская Метрика, Книга записей № 20, л. 146 об: "...и на то ставиль сведецтво людей добрых замаянь тамошних киевских, который жь светъчыли ижъ яко они памятають от давныхъ летъ тогды тос мыто <...> с тымъ имельемъ Навозомъ князъ великий Витолт к тому мапастыру печерскому по души бабки своей прыдаль" [25.01.1538].

² Надо отметить, что вопрос о том, как звали первую жену Альгирдаса, не вполне ясен. *Хроника Быховца* первую жену Альгирдаса называет Аннью, и такое предположение может быть признано вполне достоверным [ср.: Tęgowski 1999, 48–49, 51].

³ Подобное явление — папское подтверждение городского статуса для новой резиденции епископа — прослеживается и в других случаях: Херсонес — 1333 г.; Галич, Перемышль, Владимир Волынский, Хелм — 1375 г. [см.: *Vetera monumenta* 1860, 348, 714].

ИСТОЧНИКИ

Слущкая минея = Библиотека Академии наук Литвы, Отдел рукописей, F 19, № 147: *Минея месячная, месяцы ноябрь–декабрь*. Сер. XVI в. 313 л.
Gendrenas = Отдел рукописей Института истории Литвы. 1606 А, В, С, D.: *Gendrenas G., 160 vietų. Dailės institute bendrabutis Latako g-vėje. Archeologiniai tyrimai*.

ЛИТЕРАТУРА

Послания Гедимина, подг. к изд. В.Т. Пашуто и И.В. Шталь. Вильнюс, 1966.
ПСРЛ 6(1) = *Полное собрание русских летописей*, т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. Москва, 2000.
РИБ 6 = *Русская историческая библиотека*, т. 6, изд. 2-е. Санкт-Петербург.
Baronas D., 2000: *Trys Vilniaus kankiniai: gyvenimas ir istorija*. Vilnius.
Dubowicz J., 1644: *Hierarchia abo o zwierchności w Cerkwi Bożey*, Rozdział II. We Lwowie.
Kodeks dyplomatyczny = Fijalek J., Semkowicz W. (wyd.), *Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej*. Kraków, 1948.
Kreuzer L., 1617: *Obrona jedności cerkiewney abo dowody któremi się pokazuje iz grecka cerkiew z łacinską ma być zjednoczona*, rozdział II. [Wilno].

- Nikžentaitis A., 1989: *Gediminas*. Vilnius.
- Rowell S.C., 1994: *Lithuania ascending: a pagan empire within East-Central Europe, 1295–1345*. Cambridge.
- Scriptores Rerum Prussicarum*, Bd. 2. Leipzig, 1863.
- Tęgowski J., 1999: *Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów*, Poznań–Wrocław.
- Velius G., 1997: Kernavės-Kriveikiškių XIII–XIV a. kapinynas, *Baltų archeologija*, nr. 1. 1997, 26–34; nr. 1–2, 1998, 38–48.
- Vetera monumenta = Theiner A. (ed.), *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, t. I. Romae, 1860.
- Wiiuk-Koiałowicz A., 1650: *Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Lituaniae Ducatupertinentium*, Vilnae.
- Zabiela G., 1998: Laidosena pagoniškoje Lietuvoje, *Lietuvos archeologija*, 15. Vilnius, 351–379.

E-mail: dbaronas@takas.lt

Январь 2004 г.